

Умер Сохей Имамура

Кошмарский в. - 2006 - 31 мая - С. 21

НЕКРОЛОГ

Вчера в Токио на 80-м году жизни умер от рака печени Сохей Имамура, один из пяти режиссеров в мире, дважды удостоенных Золотой пальмовой ветви Каннского фестиваля — за фильмы «Легенда о Нараяме» (Narayama bushiko, 1983) и «Угорь» (Unagi, 1997). В апреле Имамура был госпитализирован, а последнюю неделю провел в коме. «Он не чувствовал боли и умер почти как во сне», — сообщил его сын.

Имамуру наверняка назовут живым символом преемственности между разными поколениями японских режиссеров. Кино он полюбил в юности, посмотрев фильм Акиры Куросавы. Кинокарьеру в 1951 году начинал ассистентом у великого Ясудзиро Одзу. А самый известный из его собственных учеников, получивших образование в созданном Имамурой в 1975 году Институте кино и телевидения (ныне Японская академия визуальных искусств), — кумир синефилов-модников Такаси Миике. Между тем об Одзу Имамура отзывался сдержанно, если не пренебрежительно. Ему претила умиротворенная эстетика учителя, чье конфуцианство, по мнению Имамуры, не имело ничего общего с реальностью. Миике, в свою очередь, вовсе потешается над Имамурой, превращая его жестокие драмы в глумливые бурлески.

Назовут Имамуру и символом японской культуры — в первую очередь из-за каннских триумфов. Уже забылось, что в середине 1960-х годов критика объявляла его клеветником, очернителем светлого образа японской женщины. Почтенным матерям, верным женам и страдающим гейшам Имамура предпочитал проституток, для которых он нашел определение: «Японское насекомое» (Nippon konchuki, 1963). Снимал он драмы из их жизни со знанием дела. Сын врача, уберегшего его от войны, в конце 1940-х годов Имамура сочетал занятия в университете, где он изучал историю Европы, с исследованием мира гангстеров, продажных женщин и черного рынка. В 22 фильмах, снятых им с 1958 го-

да, Имамура неутомимо искал ответ на вопрос, что значит быть японцем. Не случайно один из его фильмов озаглавлен «Пособие по антропологии» (Inruigaki nyumon, 1966). Обращаясь к прошлому в «Почему бы и нет» (Eijanaika, 1984) или «Зегене» (Zegen, 1987), он снимал не самурайские легенды, а притчи о народе, сохранившем свою сущность на протяжении тысячи лет, наивном, иррациональном, похотливом. Глубокая провинция для него — территория, где возможны и самые дикие ритуальные казни, суеверия и обычаи вроде изгнания стариков в «Легенде о Нараяме», и спасение от хаоса современной цивилизации.

Между тем начинал он как активист японской «новой волны», режиссер сугубо урбанистический, автор радикальных опытов по смешению документального и игрового начал. В «Послевоенной истории Японии. Жизни Мадам Онборо» (Nippon sengoshi. Madamu Onboro no seikatsu, 1970) политическую борьбу, беспорядки и покушения хлестко комментировала удачливая бандерша, поднявшаяся с самого дна обслуживания американских солдат. «Испарившийся человек» (Ningen johatsu, 1967) вообще стал од-

ним из главных исследований соотношения «правды» и «вымысла» в истории кино. Режиссер предлагал невесте пропавшего без вести клерка организовывать его поиски, но при условии, что весь их ход будет запечатлен на пленке. Съемки камерой с плеча, преднамеренно разболтанный звук — и складывающаяся из обрывков реальности железная история двойной жизни, нечистой совести. Ощущение жизни врасплох — и финальная шутка режиссера, который невзначай показывает, что «настоящий» ресторан — лишь студийная декорация.

Переломным для Имамуры стал лучший его фильм «Глубокая жажда богов» (Kamigami no fukaki yokuho, 1968), первый снятый в цвете и на натуре. Средневековая жизнь крестьян острова Курате, уверенных в божественном происхождении своей земли, но погрязших в инцесте и изуверски наказывающих отступников, была опровержением мифа о чистых и трудолюбивых людях, созданного Канэто Синдо в прославленном «Голом острове». С тех пор Имамура почти не возвращался в своих фильмах в большие города, а его кинематограф, словно устав от жестокости, обрел элементы комизма, а то и бурлеска. На экране оживали вышедший из тюрьмы убийца, единственным другом которого стал угорь, провинциалка, одержимая фламенко, девушка, которая, получая сексуальное наслаждение, орошала всю округу ручьями благодатной для рыбоводства влаги. И даже атомная бомбардировка, которой он посвящает мрачный «Черный дождь» (Kuroi ame, 1989), стала фоном для почти что комедии о «Докторе Акаги» (Kanzo sensei, 1998), у которого монах-наставник — дебошир, ассистент — морфинист, помощница — проститутка, а в погребке спрятан голландский солдат. Для Акаги, кстати, война была мелочью по сравнению с поисками им лекарства против рака, а атомный гриб чудился ему огромной человеческой печенью. Снимая, Имамура, наверное, уже знал про свою болезнь, но и ее обратил в факт искусства.

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ